

*Джекобу, Адаму и Джошу —
мужчинам моей жизни*

Великолепная штука — скальпель.

Доктор Стенли Маки никогда прежде не замечал этого. Но сейчас, когда он стоял под бестеневыми лампами, склонив голову, он внезапно осознал, что любит тем, как свет отражается от лезвия и рассыпается бриллиантовыми брызгами. Это настоящий шедевр — бритвенно-острый полумесяц из нержавеющей стали, столь прекрасный, что доктор никак не осмеливался взять его, опасаясь, что может каким-то образом испортить его очарование. На поверхности лезвия играла маленькая радуга — свет, разложенный на простейшие составляющие.

— Доктор Маки! Что-то не так?

Он поднял глаза и увидел операционную сестру, которая хмуро смотрела на него поверх маски. Он никогда прежде не обращал внимания на то, какие зеленые у нее глаза. Казалось, он видел, по-настоящему видел многое будто впервые. Бархатистую текстуру ее кожи. Тонкую жилку на виске. Родинку прямо над бровью.

Родинку? Он пригляделся. Крохотное темное пятнышко подползло к уголку ее глаза, словно многоногое насекомое...

— Стен! — Голос анестезиолога, доктора Рудмана, прорезал смятение Маки. — С вами все в порядке?

Маки тряхнул головой. Букашка исчезла, снова обернувшись родинкой, малюсеньким пятнышком темного пигмента на светлой коже медсестры. Он сделал глубокий вдох

и взял скальпель из лотка с инструментами. Затем перевел взгляд на женщину, лежавшую перед ним на столе.

Операционные лампы были направлены на нижнюю часть ее живота. Голубые медицинские простыни уже закрепили в нужных местах, оставив открытым прямоугольник обнаженной плоти. Живот был красивый: плоский, со светлым следом от трусиков бикини, соединившим изящные парные бугорки тазовых костей, — удивительное зрелище в сезон метелей и по-зимнему бледных лиц. Жаль, что придется резать такую красоту. Шрам, который оставит аппендэктомия, в будущем навредит карибскому загару.

Он приставил кончик лезвия, ориентируясь на точку Макберни — прямо посередине между пупком и выступом правой тазовой кости. Примерно здесь и расположен аппендикс. Он уже готов был сделать надрез, но вдруг остановился.

Его рука дрожала.

Он не понимал, в чем дело. Такого никогда не случилось. Стенли Маки всегда отличался непоколебимой твердостью руки. Теперь же ему потребовалось громадное усилие, чтобы только не выронить инструмент. Он судорожно глотнул и оторвал лезвие от кожи. «Спокойно. Сделай пару-тройку глубоких вдохов. Это пройдет».

— Стен!

Подняв взгляд, Маки увидел, что доктор Рудман нахмурился. Хмурились и обе сестры. Маки читал в их глазах те же вопросы, что уже несколько недель шепотом задавали коллеги у него за спиной: «По-прежнему ли сведущ старый доктор Маки? Ему семьдесят четыре — стоит ли его допускать к операциям?» Он не стал обращать внимание на эти взгляды. Ему и так пришлось защищаться перед квалификационной комиссией и разьяснять обстоятельства смерти своего недавнего пациента. В конце концов, хирургическое вмешательство всегда сопряжено с риском. Если в брюшной полости слишком много очагов кровотечения, легко спутать анатомические ориентиры, сделать неверный надрез.

Комиссия, проявив мудрость, сняла с него обвинения.

Тем не менее у больничного персонала зародились сомнения. Он видел их на лицах медсестер, в суровом взгляде доктора Рудмана, во всех тех глазах, что неотступно следили за ним. Неожиданно он ощутил на себе и другие взгляды. На мгновение ему показалось, что в воздухе плавают десятки глазных яблок и все зрачки направлены на него.

Он моргнул, и жуткое видение исчезло.

«Все дело в очках, — подумал он. — Надо будет их проверить».

Капля пота скользнула по щеке. Он крепче сжал скальпель. Это же простая аппендэктомия, операция, с которой справится любой начинающий хирург-интерн. Разумеется, сможет и он, даже дрожащими руками.

Он сосредоточился на животе пациентки, на этом плоском золотисто-смуглом животе. Дженнифер Хэлси, тридцать шесть лет. Приезжая из другого штата, проснулась утром в номере бостонского мотеля от боли в правой нижней части живота. Преодолевая нарастающую боль, через лютую метель добралась до отделения неотложной помощи больницы Виклин, откуда попала к дежурному хирургу Маки. Она ничего не знала о слухах насчет его некомпетентности, о приглушенных, полных лжи пересудах, неуклонно уничтожавших его врачебную репутацию. Она была просто страдающей от боли женщиной, которой срочно требовалось удалить воспаленный аппендикс.

Маки прижал острие к коже Дженнифер. Дрожь в руке прошла. Он может. Разумеется, он может это сделать. Он сделал надрез, проведя тонкую четкую линию. Операционная сестра помогала ему, удаляя кровь, передавая зажимы. Он прорезал глубже, сквозь желтоватый подкожный жир, время от времени останавливаясь, чтобы прекратить кровотечение. «Ничего сложного. Все будет отлично». Он доберется до брюшной полости, удалит аппендикс, и все. А потом отправится домой. Возможно, чтобы вновь обрести ясную голову, ему просто нужно немного отдохнуть.

Он прорезал блестящую брюшину и попал в полость.

— Открыть, — велел он.

Стальным расширителем сестра аккуратно раздвинула края раны.

Просунув руку в отверстие, Маки почувствовал, как теплые и скользкие кишки окружили его пальцы в резиновой перчатке. Что за удивительное ощущение — проникнуть в жар человеческого тела. Все равно что вернуться в гостеприимную материнскую утробу. А вот и аппендикс. Одного взгляда на покрасневшую, вспухшую ткань хватило, чтобы понять: диагноз верен, аппендикс нужно удалять. Маки потянулся к скальпелю.

Однако, снова переведя взгляд на разрез, он понял: что-то не так.

В брюшной полости наблюдался явный избыток кишок, раза в два больше необходимого. Гораздо больше, чем требуется этой девице. Так не пойдет. Он потянул за петлю тонкой кишки; гладкая, теплая, она скользнула по перчатке. Скальпелем он отхватил лишний кусок и опустил влажную спираль в лоток. «Ну вот, — подумал он. — Так-то лучше».

Глаза операционной сестры, которая изумленно уставилась на него, расширились до предела.

— Что вы делаете? — воскликнула она.

— Слишком длинные кишки. Так не годится.

Он запустил руку в брюшную полость и снова извлек петлю кишечника. Эта лишняя плоть совсем ни к чему, только обзор закрывает.

— Доктор Маки, не надо!

Он сделал надрез. Кровь горячей дугой хлестнула из обрубленного кольца.

Сестра схватила его обтянутую перчаткой руку. Он гневно стяхнул ее ладонь — какая-то медсестра посмела прервать процесс!

— Пришлите другую сестру, — распорядился он. — И дайте отсос. Нужно убрать всю эту кровь.

— Остановите его! Помогите мне остановить его!

Свободной рукой Маки дотянулся до катетера отсоса и погрузил его в рану. Кровь забурлила в трубке и полилась в резервуар.

Чья-то рука схватила его за халат и оттащила от стола. Это был доктор Рудман. Маки попытался высвободиться из его хватки, но Рудман не отпускал.

— Положите скальпель, Стен.

— Ее придется обработать. Слишком много кишок.

— Положите инструмент!

Сияясь освободиться, Маки резко повернулся к Рудману. Он забыл, что все еще держит скальпель. Лезвие полоснуло по шее Рудмана. Тот вскрикнул и схватился за горло.

Маки попятился, не сводя глаз с крови, которая сочилась из-под пальцев Рудмана.

— Это не я, — пробормотал он. — Я не виноват.

Медсестра завопила в переговорное устройство:

— Пришлите охрану! Он сошел с ума! Нам нужна охрана! Срочно!

Маки неловко попятился, поскользнувшись на луже крови. Крови Рудмана. Крови Дженнифер. Багровое озеро расплзлось по полу. Маки бросился прочь из операционной.

Остальные кинулись за ним.

Ослепленный паникой, он устремился к выходу, путаясь в лабиринте больничных коридоров. Где это он? Почему все вокруг кажется незнакомым? И тут прямо перед собой он увидел окно, за которым кружились хлопья снега. Снег. Это холодное белое кружево очистит его, смоем кровь с его рук.

За спиной послышался топот погони. Кто-то крикнул: «Стоять!»

Сделав для разбега три громадных шага, Маки ринулся в светлый прямоугольник.

Стекло взорвалось миллионами алмазных брызг. Холодный воздух засвистел за спиной. Все кругом было белым — прекрасная кристальная белизна.

А он летел, летел, летел...

На улице стояло настоящее пекло, поэтому водитель запустил кондиционер на всю катушку, и Молли Пикер на заднем сиденье откровенно мерзла. Холодный воздух из вентиляционного отверстия, расположенного возле ее колен, бесцеремонно устремлялся прямо под короткую юбочку. Подавшись вперед, она постучала в плексигласовую перегородку.

— Простите, пожалуйста, — сказала она. — Эй, ах! Вы не могли бы выключить кондиционер? Ах!

Она постучала снова.

Водитель, казалось, ее не слышал. А может, просто не обращал внимания. Ей был виден только белобрысый затылок.

Поежившись, она скрестила руки на груди и отодвинулась подальше от вентилятора. За окном проплывали улицы Бостона. Места были ей совершенно незнакомы, однако Молли поняла, что машина следует на юг — на последнем дорожном указателе значилось: «Вашингтон-стрит, Южный Бостон». Сейчас она разглядывала приземистые здания с зарешеченными окнами и группы сидящих на крылечках людей с лоснящимися от пота лицами. Еще не начался июнь, а температура уже под тридцать. По людям на улице легко было понять, что за окном жара: безвольно ссутулившись, они медленно брели по тротуарам. Молли нравилось разглядывать людей. В основном она смотрела на женщин, находя их более интересными. Она рассматрива-

ла их наряды и удивлялась, почему некоторые женщины носят в жару черное, почему толстухи натягивают на свои задницы яркие облегающие штаны, почему никто теперь не носит головных уборов. Она изучала походку красоток: покачивая бедрами, они отлично сохраняли равновесие на высоченных каблуках. Она гадала: какими секретами, неизвестными ей, владеют эти женщины? Интересно, чему их учили мамы и почему эти уроки упустила Молли? Она долго и пристально вглядывалась в их лица, надеясь постичь тайну их красоты. Какой магией владеют эти красавицы и чем обделена она, Молли Пикер.

Машина остановилась перед светофором. На углу стояла, выпятив бедро, девица в туфлях на платформе. Проститутка, как и Молли, но постарше, лет восемнадцати, с роскошной черной гривой, разметавшейся по бронзовым плечам. «Черные волосы — это было бы здорово», — с мечтательной завистью подумала Молли. Они говорят сами за себя. Не то что ее собственный, не пойми какой цвет — не темный, но и не светлый, да и волосенки мягкие — в общем, вида никакого. Сквозь затемненные стекла машины брюнетка не могла видеть, что Молли пялится на нее, но, казалось, чувствовала взгляд, потому что, неторопливо развернувшись на своих каблучицах, встала лицом к лимузину.

Не такая уж она и красавица.

Молли откинулась на спинку сиденья, испытывая непонятное разочарование.

Машина свернула налево, на юго-восток. Они были уже далеко от мест, хорошо известных Молли, и направлялись в незнакомый и опасный район. Жара выгнала людей из домов; они сидели в затененных дверных проемах, обмахиваясь кто чем и провожая взглядами плывущий мимо автомобиль. Они знали, что такого нет ни у кого в округе. Да и сама Молли понимала, что она здесь чужая. Куда же это Роми ее отправил?

Адреса он ей не дал. Обычно ей в руку совали бумажку с каракулями, в которых угадывались название улицы и номер дома, и Молли приходилось изворачиваться, чтобы наскрести на такси. Однако на этот раз ее ждала машина. Шикарный автомобиль, без красноречивых пятен на заднем сиденье и вонючих скомканных салфеток, забитых в пепельницу. Он весь был просто неправдоподобно чистый. Молли никогда прежде не доводилось ездить в таких чистых автомобилях.

Шофер свернул в переулок налево. Здесь уже не было сидевших вдоль улицы людей. Но Молли знала: они по-прежнему наблюдают. Она это чувствовала. Пошарив в сумочке, выудила оттуда сигарету и прикурила. Молли успела сделать лишь пару затяжек, когда бестелесный голос произнес:

— Пожалуйста, затуши.

Молли изумленно огляделась:

— Чего?

— Я сказал, затуши. В этой машине курить не разрешается.

Виновато зардевшись, Молли быстренько затолкала сигарету в пепельницу. Тут она заметила, что в перегородке есть крохотный динамик.

— Ау! Вы меня слышите? — крикнула она.

Ответа не последовало.

— Послушайте, вы не могли бы выключить кондиционер? Я тут уже окоченела. Эй! Господин шофер!

Поток ледяного воздуха стих.

— Ну спасибочки, — сказала она. И добавила шепотом: — Вот скотина!

Найдя кнопку стеклоподъемника, Молли приоткрыла окно. Жаркий запах летнего города, горячий и сернистый, ворвался в салон. Она ничего не имела против жары. Жара напоминала ей о доме, о влажных знойных летних днях из детства, которое она провела в Бофорте. Чертовски

хотелось курить, однако у нее не было никакого желания препираться с жестяной коробочкой.

Машина сбросила газ и остановилась. Голос из динамика сказал:

- Приехали. Можешь выходить.
- Что, здесь?
- Нужный дом прямо перед тобой.

Молли взглянула на четырехэтажное кирпичное здание. Окна первого этажа были зарешечены. На тротуаре поблескивало битое стекло.

- Вы, наверное, шутите, — удивилась она.
- Входная дверь открыта. Поднимешься на третий этаж, последняя дверь справа. Стучать не надо, просто входи.
- Роми ничего такого не говорил.
- Роми сказал, ты не будешь упрямиться.
- Да, но вообще-то...
- Это всего лишь часть игры, Молли.
- Какой игры?
- Фантазии твоего клиента. Знаешь ведь, как это бывает.

Молли тяжело вздохнула и снова посмотрела на здание. Ох уж эти клиенты с их фантазиями! Какого хрена вообразил себе этот парень? Трахаться в компании крыс и тараканов? Чутьочку опасности, капельку мерзости для обострения удовольствия? И почему фантазии клиентов никогда не совпадают с ее собственными? Уютный гостиничный номер с джакузи, Ричард Гир с Красоткой попивают шампанское...

- Он ждет.
- Да иду я, иду! — Молли распахнула дверь и ступила на тротуар. — Вы ведь меня дождетесь, верно?
- Буду на этом самом месте.

Она повернулась к дому и вздохнула. Затем поднялась по ступенькам и толкнула дверь.

Внутри вид был не лучше, чем снаружи. Все стены изрисованы, коридор завален газетами и ржавыми пружинами.

нами. Это ж надо было постараться устроить такую по-мойку!

Молли пошла вверх по лестнице. В здании царила зловещая тишина, и перестук ее каблуков эхом отражался от стен. Дойдя до второго этажа, она заметила, что у нее взмокли ладони.

Что-то здесь не так. Совсем не так.

Молли остановилась на лестничной площадке, глядя в сторону третьего этажа. «Во что ты меня втянул, Роми? И что вообще это за клиент?»

Обтерев влажные ладони о блузку, она вздохнула и поднялась еще на один пролет. В коридоре третьего этажа остановилась у последней двери справа. Изнутри доносилось какое-то жужжание — кондиционер? Девушка открыла дверь.

Ее обдало волной прохлады. Сделав шаг внутрь, она, к своему изумлению, очутилась в комнате с белоснежными стенами. Посередине стояло что-то вроде стола для врачебного осмотра с обивкой из красно-коричневого винила. Никакой другой мебели в комнате не было, даже стула.

— Здравствуй, Молли.

Она резко обернулась, ища глазами человека, назвавшего ее по имени. Но в комнате никого не было.

— Где вы? — спросила она.

— Тебе нечего бояться. Я просто немного застенчив. Сначала мне хотелось бы взглянуть на тебя.

Молли обратила внимание на зеркало, висевшее на дальней стене.

— Вы там, сзади, верно? Это что-то вроде одностороннего зеркала?

— Умница.

— Так чего вы от меня хотите?

— Поговори со мной.

— И все?

— А потом еще кое-что.

«Ну разумеется. Потом всегда еще кое-что». Она подошла — почти произвольно — к зеркалу. Он сказал, что стесняется. Ей стало немного легче. Так, пока все под контролем. Она встала, уперев руку в обтянутое мини-юбкой бедро.

— Ладно. Если вы хотите поговорить, пожалуйста — деньги-то ваши.

— Сколько тебе лет, Молли?

— Шестнадцать.

— У тебя регулярный цикл?

— Что?

— Менструации у тебя регулярные?

Она хихикнула:

— Ничего себе!

— Отвечай на вопрос.

— Ну да, вроде регулярные.

— И последняя была две недели назад?

— Откуда вы это знаете? — удивилась она. Затем, тряхнув головой, пробормотала: — А, вам Роми сказал.

Роми, конечно, знал. Он всегда был в курсе, когда к его девочкам «приходили гости».

— Ты здорова, Молли?

Она сердито уставилась в зеркало:

— А что, по мне не скажешь?

— Заболеваний крови нет? Гепатита? ВИЧ-инфекции?

— Я чистая, вы ничего не подцепите, если это вас так беспокоит.

— Сифилис? Гонорея?

— Слушайте, — огрызнулась она. — Вы трахаться хотите или как?

Молчание. Затем голос тихо произнес:

— Раздаться.

Это было уже кое-что. Этого она и ожидала.

Молли подошла к зеркалу — так близко, что от ее дыхания стекло тут же запотело. Он захочет увидеть все до мельчайших подробностей. Они всегда этого хотят. Она

стала раздеваться — неторопливо, затягивая представление. Расстегнув блузку, она позволила себе больше ни о чем не думать, спрятаться в некое мысленное убежище, где не было места мужчинам. Она покачивала бедрами, словно танцующая под воображаемую мелодию. Блузка скользнула с плеч на пол. Сейчас Молли стояла с обнаженной грудью, от холода ее соски затвердели. Она закрыла глаза. Почему-то это помогало.

«Скорей бы уж, — думала она. — Перепихнуться с ним и свалить отсюда».

Расстегнутая юбчонка упала к ногам, Молли переступила через нее. Затем стянула трусики. Все это она проделала, не открывая глаз. Роми говорил, у нее красивое тело. И если она правильно будет им пользоваться, никто не обратит внимания на невзрачное лицо. Сейчас она и пыталась использовать свое тело, танцуя под музыку, которую слышала только она.

— Отлично, — сказал мужчина. — Можешь больше не танцевать.

Она открыла глаза и недоуменно уставилась в зеркало. Оттуда глядело ее отражение. Жидковатые каштановые волосы. Груды маленькие, но вполне приметные. Мальчишеские узкие бедра. Танцующая с закрытыми глазами, она играла роль. Теперь же столкнулась лицом к лицу с собственным образом. С самой собой. Она непроизвольно скрестила руки, прикрывая наугую грудь.

— Иди к столу, — велел он.

— Что?

— К столу для осмотра. Ляг на него.

— Ладно. Если тебя это заводит.

— Меня это заводит.

У каждого свои заморочки. Она влезла на стол. Красно-коричневый винил охлаждал голые ягодицы. Она легла и стала ждать, что будет дальше.

Дверь открылась, послышались шаги. Молли удивленно поглядела на человека, который подошел к изножью

стола и склонился над ней. Он был одет во все зеленое, даже лица почти не было видно, только глаза — голубые, холодно-стальные. Они внимательно рассматривали ее по-верх маски.

Молли встревоженно села.

— Ложись, — приказал он.

— Какого черта ты тут вытворяешь?

— Я сказал, ляг.

— Черт, я сваливаю...

Он схватил ее за руку. Только теперь она заметила, что на нем перчатки.

— Послушай, я не причиню тебе вреда, — сказал он; голос его смягчился, стал почти ласковым. — Разве ты не понимаешь? В этом и состоит моя фантазия.

— То есть — играть в доктора?

— Да.

— А я, стало быть, твоя пациентка?

— Да. Это тебя пугает?

Она сидела, раздумывая. Вспоминая все те причуды, которые приходилось терпеть по милости клиентов. И нынешняя, при таком раскладе, казалась относительно безобидной.

— Хорошо, — согласилась она, снова укладываясь.

Выдвинув упоры для ног, он сказал:

— Давай, Молли. Наверняка ты знаешь, куда деть ножки.

— Это так нужно?

— Я же доктор, забыла?

Она взгляделась в закрытое маской лицо, гадая, что скрывает этот прямоугольник ткани. Наверняка это самый обыкновенный мужчина. Все они такие обыкновенные! И только их фантазии внушали ей отвращение. Пугали ее.

Она неохотно задрала ноги.

Он чем-то щелкнул под столом, и изножье опустилось чуть ниже. Теперь Молли лежала, широко разведя бедра, обнаженные ягодицы почти свешивались с края стола. Она

много раз демонстрировала себя мужчинам, однако в этой позе было что-то страшно уязвимое. Да еще эти яркие лампы, которые светят прямо в промежность. И эта полная нагота на смотровом столе. И человек, чей пристальный взгляд с врачебной отчужденностью сосредоточен на самой интимной части ее тела.

Он обернул ленту на липучке вокруг ее лодыжки.

— Эй, — возмутилась она. — Не люблю, когда меня связывают.

— А я люблю, — промурлыкал он, закрепляя вторую ленту. — Люблю, когда девочки лежат вот так.

Она дернулась, когда он ввел обтянутые перчаткой пальцы в ее тело. Склонившись к ней и сосредоточенно прищурившись, он продвигал пальцы все глубже. Молли закрыла глаза и попыталась отвлечься, не думать о происходящем, однако эти ощущения трудно было игнорировать. Как будто грызун копался у нее внутри. Человек в маске положил одну руку поверх ее живота, в то время как пальцы другой продолжали двигаться внутри. Почему-то это казалось Молли худшим насилием, чем обычный половой акт, ей хотелось, чтобы все побыстрее закончилось. «Ну что, придурок, заводит это тебя? — думала она. — Стоит уже? Когда ж ты начнешь-то наконец?»

Он вытащил руку. Молли облегченно обмякла. Открыв глаза, она увидела, что он больше не смотрит на нее. Его взгляд был направлен куда-то за пределы ее поля зрения. Человек кивнул.

Только тут она поняла, что в комнате есть еще кто-то.

Резиновая маска накрыла ее нос и рот. Молли хотела было вывернуться, но ее голова была прижата к столу. Она попыталась высвободить голову, отчаянно царапая края маски. Ее тут же схватили за руки и надежно привязали запястья к столу. Судорожным вдохом она втянула резко пахнущий газ, ощутив, как он обжигает гортань, и тут же зашлась в приступе спазматического кашля. Молли сно-

ва попыталась скинуть маску, но та держалась крепко. Непроизвольно она сделала еще вдох. Она переставала чувствовать свои руки и ноги. Свет стал меркнуть; ярко-белое стало серым.

Черным.

Она услышала чей-то голос:

— А теперь бери кровь.

Но эти слова уже ничего для нее не значили. Совсем ничего.

— Ох ты господи! Что же ты тут наделала!

Голос принадлежал Роми — это все, что она смогла понять. Остальное, похоже, оставалось за пределами ее сознания. Где она? И где была?

Почему так болит голова и пересохло в горле?

— Ну же, Молли-Дуролли, открой глаза.

Она застонала. От собственного стоны у нее зазвенело в голове.

— Твою мать, открой глаза, Молли. Ты изгадила всю комнату.

Она перевернулась на спину. Сквозь прикрытые веки свет казался кроваво-красным. Она предприняла отчаянную попытку открыть глаза и поймать взглядом лицо Роми.

Его темные глаза смотрели на нее с отвращением. Напояженные волосы были зачесаны назад и блестели на свету, как медный шлем. Софи тоже была здесь. Она стояла, скрестив руки поверх шарообразных грудей, на лице читалась легкая насмешка. Молли охватило еще большее отчаяние, когда она увидела Софи и Роми, стоявших бок о бок, словно давние любовники, которыми они когда-то были. А может, оставались до сих пор. Эта лошадиная морда, Софи, вечно торчит поблизости, стараясь оттереть Молли. А теперь она еще приперлась в ее комнату, куда не имела никакого права приходить.

Разозлившись, Молли попыталась сесть, однако в глазах потемнело, и она снова повалилась на кровать.

— Мне плохо, — пробормотала она.

— Тебе уже давно плохо, — уточнил Роми. — А теперь давай приведи себя в порядок. Софи тебе поможет.

— Я не хочу, чтобы она до меня дотрагивалась. Убери ее отсюда.

— Сдалась мне твоя халупа, плоскодонка! — фыркнула Софи и вышла.

Молли простонала:

— Роми, я не помню, что со мной произошло.

— Да ничего не произошло. Ты вернулась и пошла спать. И заблевала всю подушку.

Она еще раз попыталась сесть. Помогать ей он не стал, вообще не дотронулся. Еще бы, от нее такой ужасный запах. Он встал и направился к двери, предоставив ей самой возиться с грязным постельным бельем.

— Роми, — окликнула она.

— А?

— Как я сюда попала?

Он засмеялся:

— Офигеть! Здорово ты нахрюкалась, а? — Он вышел.

Молли долго сидела, спустив ноги с кровати, пытаясь восстановить события последних нескольких часов. Стараясь избавиться от остаточного головокружения.

Она помнила только, что был клиент. Человек в зеленом. Какая-то комната с огромным зеркалом. И там был стол.

Однако самого секса она не помнила. Возможно, она постаралась выкинуть его из головы. Возможно, это было так отвратительно, что она загнала это в подсознание, — такой способ защиты она успешно применяла с самого детства. Лишь иногда она позволяла обрывкам детских воспоминаний вернуться. Это были главным образом хорошие воспоминания, у нее имелось несколько таких — о ее детстве

в Бофорте, и она могла по своему желанию вызывать их. Или подавлять — тоже по желанию.

Но что произошло сегодня днем — она вообще не могла вспомнить.

Боже, ну и воняет от нее! Она посмотрела на блузку — та была испачкана рвотой. Пуговицы были застегнуты неправильно, в промежутках виднелось голое тело.

Молли принялась раздеваться: скинула блузку, стянула мини-юбку и оставила их горкой лежать на полу. Нетвердым шагом добравшись до душа, она пустила воду.

Похолоднее. Ей нужен холод.

Под летящими из душа струйками в ее голове начало немного проясняться. При этом еще одно смутное воспоминание обрело четкость. Человек в зеленом нависает над ней. Разглядывает ее. И путы, охватившие ее запястья и лодыжки.

Она посмотрела на руки и увидела кольцеобразные следы, словно от наручников. Он привязал ее — не так уж необычно. Ох уж эти мужчины с их безумными забавами.

Затем ее взгляд остановился на другом синяке — на стиге левой руки. Он был совсем бледный, она с трудом разглядела синеватый кружок. А в самом его центре, словно сердцевина мишени, виднелся след от укола.

Она попыталась вспомнить иглу, но не смогла. Все, что ей припоминалось, — человек в хирургической маске.

И еще стол.

Холодная вода стекала по ее плечам. Дрожащая Молли глядела на след от иглы, спрашивая себя, что же еще она забыла.